

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-46-54

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 02.02.2025
принятия: 01.03.2025

В.Е. Симакова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация,
E-mail: simakowa.valeriya@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0360-8279>

Культурная идентичность Б.Ю. Поплавского: между символизмом и сюрреализмом

Аннотация: настоящая статья посвящена проблеме культурной идентификации Б.Ю. Поплавского. Необходимость постановки и решения этой проблемы обусловлена тем, что в научной среде до сих пор не сформировался единый взгляд на его творчество, отличающееся эклектичностью. Одним из самых полемичных вопросов, касающихся изучения Б.Ю. Поплавского, остается вопрос актуальности причисления поэта к сюрреалистам. Целью статьи является определение и обоснование культурной идентичности Б.Ю. Поплавского с учетом различных точек зрения на поставленную проблему – от современников поэта до наших дней. Методом компаративного анализа автор статьи исследует эстетические установки Б.Ю. Поплавского, опираясь на дневники поэта и его критические статьи, где он излагает свои взгляды на творчество, а также на воспоминания современников о нем и его взглядах. Реализация эстетических установок Б.Ю. Поплавского демонстрируется преимущественно на материале поэтического сборника «Автоматические стихи», представляющего сложность для анализа и прежде в таком ракурсе и объеме не исследовавшегося. Рассматривая этот сборник как сложное эстетическое целое, автор исследования приходит к выводу о том, что Б.Ю. Поплавский, благодаря отказу от детализации лирического сюжета и лирического героя, достигает эффекта дереализации, к которому стремились сюрреалисты, но христианское содержание образов выдает в поэте преемника русских символистов.

Ключевые слова: Б.Ю. Поплавский; сюрреализм; символизм; автоматическое письмо; поток сознания; эстетические основания; культурная идентичность.

Цитирование: Симакова В.Е. Культурная идентичность Б.Ю. Поплавского: между символизмом и сюрреализмом // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 46–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-46-54>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Симакова В.Е., 2025

Валерия Евгеньевна Симакова – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.E. Simakova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: simakowa.valeriya@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0360-8279>

Cultural identity B.Yu. Poplavsky: between symbolism and surrealism

Abstract: this article is devoted to the problem of cultural identification of B.Yu. Poplavsky. The need to create and solve this scientific problem is due to the fact that the community has not yet formed a unified view of his work, which is distinguished by its eclecticism. One of the most controversial issues related to the study of B.Yu. Poplavsky is the following remaining question: the relevance of classifying the poet as a surrealist. The purpose of the article is to define and substantiate the cultural identity of B.Yu. Poplavsky, taking into account different points of view on the problem posed - from the poet's contemporaries to the present day. Using the method of comparative analysis, the author of the article examines the aesthetic attitudes of B.Yu. Poplavsky, relying on the

poet's diaries and his critical articles, where he sets out his views on creativity, as well as on the memories of his contemporaries about him and his views. Implementation of aesthetic goals of B.Yu. Poplavsky is demonstrated on the material of the poetry collection "Automatic Poems", which is difficult to analyze and has not been studied from such a perspective and volume before. Considering this collection as a complex aesthetic whole, the author of the study comes to the conclusion that B.Yu. Poplavsky, thanks to the refusal to detail the lyrical plot and the lyrical hero, achieves the effect of derealization that the surrealists strived for, while the Christian content of the images reveals the poet as a successor of the Russian symbolists.

Key words: B.Yu. Poplavsky; surrealism; symbolism; main letter; stream of consciousness; aesthetic basis; cultural identity.

Citation: Simakova, V.E. (2025), Cultural identity B.Yu. Poplavsky: between symbolism and surrealism, *Semioticheskie issledovani ja. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 46–54, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-46-54>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Simakova V.E., 2025

Valeriya E. Simakova – postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Борис Юлианович Поплавский (1903–1935) – поэт, автор оригинальных романов, дневников и критических статей об искусстве. Современники оставили отрывочные, иногда даже противоречащие друг другу свидетельства о жизни Б.Ю. Поплавского. Поэт представлялся им человеком, то ли постоянно дорабатывающим свой образ, то ли не имеющим устойчивой системы взглядов. Любопытные сведения о духовном пути Б.Ю. Поплавского можно найти в заметке его отца о нем: так, например, он связывает увлечение поэта мистикой с периодом пребывания в Константинополе, во время которого поэт общался с низами русской эмиграции. Из этого же источника можно получить подробные сведения об образовании и увлечениях поэта: он посещал художественную академию Гранд Шомьер, учился на историко-филологическом факультете Сорбонны, увлекался философией, теологией, поэзией, литературой, экономикой, социологией, историей, политикой, авиацией, занимался спортом (Поплавский 1996, с. 424). Г.В. Адамович характеризует Б.Ю. Поплавского как человека непостоянного: «Никогда нельзя было заранее знать, с чем пришел сегодня Поплавский, кто он сегодня такой: монархист, коммунист, мистик, рационалист, ницшеанец, марксист, христианин, буддист или даже просто спортивный молодой человек, презирующий всякие отвлеченные мудрости и считающий, что нужно только есть, пить, спать и делать гимнастику для развития мускулов? В каждую отдельную минуту он был абсолютно искренен, – но остановиться ни на чем не мог» (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993, с. 20).

Постановка проблемы

Творчество Б.Ю. Поплавского отличается особой эстетической эклектичностью – при внима-

тельном прочтении его произведений может возникнуть впечатление, что поэт привносил в свои литературные творения все образы и идеи художников слова, которые казались ему интересными: манеру письма поэтов-символистов, имена героев произведений Э.А. По, революционные техники письма Дж. Джойса и М. Пруста Б.Ю. Поплавский по-своему интерпретировал и умело использовал в собственном творчестве.

Литературный талант Б.Ю. Поплавского проявился в эмиграции. Находясь в Париже, он имел возможность участвовать не только в творческой жизни эмигрантского сообщества, но и следить за мировым художественным процессом. Покинув родину, как и многие его современники, поэт оказался между двух культур – он тесно общался с эмигрантами, в частности с придерживающимися линии сохранения достижений русской культуры, и следил за творчеством современных европейских авторов-новаторов. Б.Ю. Поплавский посещал заседания литературных объединений, основанных представителями разных поколений (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993).

Представители младшего поколения русской эмигрантской литературной среды были более открыты к культурному обмену (Шевченко, Герченкова 2023, с. 40–41). В.С. Варшавский отмечал, что Б.Ю. Поплавский, вероятно, читал дадаистов, сюрреалистов, Г. Аполлинера (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993, с. 32). Г.В. Адамович подчеркивал связь поэта не только с русской, но и с западноевропейской литературой (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993, с. 21).

В своих стихотворениях Б.Ю. Поплавский часто описывал состояние сна, окрашивал предметы в необыкновенные цвета и помещал лирических героев в невероятные ситуации. Все это позволяло

современникам и исследователям причислять поэта к сюрреалистам. Но справедливо ли это причисление или сюрреалистичность являлась лишь одной из отличительных особенностей уникальной творческой манеры Б.Ю. Поплавского?

Ход исследования

Несмотря на интерес к личности Б.Ю. Поплавского, в научной среде в настоящий момент не сформировался единый взгляд на творчество поэта – скорее, каждый из исследователей демонстрирует собственный подход к интерпретации его текстов. Одним из самых полемичных вопросов, касающихся изучения творчества Б.Ю. Поплавского, остается вопрос актуальности причисления поэта к сюрреалистам. Причисление исследователями поэта к тому или иному направлению определяет призму, через которую читатели смотрят на творчество поэта, таким образом, причисление поэта к определенному направлению имеет принципиальное значение.

Влияние поэтики сюрреализма на творчество Б.Ю. Поплавского заметили уже критики-современники поэта. Так, М. Слоним называл его «фантастическим поэтом, склонным к неясному сюрреализму». В словаре указано, что «в основе многих фантастических картин, возникающих в стихотворениях П., лежит последовательно осуществляемый сюрреалистический принцип «ошеломляющего образа», сближающего предметы, предельно далекие друг от друга» (Энциклопедический словарь сюрреализма 2007, с. 385). Однако в том же «Энциклопедическом словаре сюрреализма» подчеркивается, что «в целом ряде своих стихотворений П. отходил от принципов сюрреализма, возвращаясь в пределы классической традиции, к простоте и ясности поэтического слова» (Энциклопедический словарь сюрреализма 2007, с. 386).

Е.Л. Менегальдо в своем исследовании рассматривает поэтическое творчество Б.Ю. Поплавского в контексте сюрреалистического искусства, например, стихотворения, вошедшие в поэтический сборник «Флаги», исследовательница характеризует как «более близкие по духу к стихам французских сюрреалистов, чем русских символистов» (Менегальдо 2007, с. 21). Творческий метод Б.Ю. Поплавского Е.Л. Менегальдо характеризует как логичное развитие творческого метода автоматического письма, изобретенного сюрреалистами (Менегальдо 2007, с. 18).

Однако Д.В. Токарев, подчеркивая влияние на поэта символистов и находя в дневниковых записях поэта некоторые неточности в представлении Б.Ю. Поплавского о современных методах письма (смешение техник «автоматического письма», принципиально не предполагающего редакторской доработки, и «потока сознания», построен-

ного на точном подборе средств выражения, в единый прием (Токарев 2011, с. 78)), настаивает на невозможности признания Б.Ю. Поплавского поэтом-сюрреалистом. Исследователь находит идейные противоречия в установках Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов: считает несовместимым идеалистическое понимание Б.Ю. Поплавским музыки и сюрреалистическое «акцентирование материального звукового субстрата» (Токарев 2011, с. 41).

А.И. Чагин в книге «Пути и лица. О русской литературе XX века» характеризует лирический сюжет стихотворений Б.Ю. Поплавского как «сюрреалистическое «действие». По мнению исследователя, Б.Ю. Поплавского и французских сюрреалистов сближает общее стремление к описанию мира снов и кошмаров. С этим стремлением исследователь связывает характерную черту многих стихотворений поэта – «предметность фантастического, реальность ирреального, бытовая вещественность и зримость идеального или потустороннего» (Чагин 2011).

Л. Ливак в статье «Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского» признает, что на раннее творчество поэта значительное влияние оказывали символисты и футуристы, но настаивает на том, что культурная среда (круг чтения и личного общения) подготовили поэта к сюрреалистическим экспериментам и наследованию одной из основных установок сюрреализма – стремлению к психологической достоверности (Ливак 2012).

Анализ взглядов исследователей на творчество Б.Ю. Поплавского показывает, что вопрос актуальности причисления поэта к сюрреалистам в современном литературоведении остается полемичным и требует дальнейшего обсуждения.

Б.Ю. Поплавский оставил дневниковые записи и теоретические статьи, в которых подробно обозначено, что он читал, видел и какое впечатление произвели на него описываемые произведения искусства.

Дневники и критические статьи Б.Ю. Поплавского представляют собой уникальный исторический и художественный документ, поскольку в них содержатся как любопытные сведения о жизни русских эмигрантов в Париже и других городах, так и оригинальные рассуждения поэта о религии и искусстве. В этих записях Б.Ю. Поплавского можно обнаружить его размышления как о символизме и сюрреализме, так и о собственном творчестве, что позволяет провести компаративистский анализ с целью выявить значительность влияния различных течений на творчество поэта.

В дневниках нашли отражение такие общеизвестные качества поэта, как склонность увлекаться различными идеями и стремление к получению религиозного опыта, но мысли поэта были зафиксированы в необычной для дневников форме – некоторые записи больше походили на философские

и теософские эссе и художественные зарисовки. «Литературность» дневников, в которых темы религиозного поиска и творческих исканий встречаются чаще, чем описание событий жизни поэта, вызвала у читателей сомнения в подлинности этого документа. «Дневники» были восприняты некоторыми современниками как наброски литературных произведений. Н.А. Бердяева дневник Б.Ю. Поплавского поразил «отсутствием простоты и прямоты». Необычная форма дневников, адресованных будто не себе, а потенциальному читателю, показавшаяся другим читателям доказательством неискренности Б.Ю. Поплавского, даже побудила Н. Бердяева к рассуждению о двух формах искренности (Бердяев 1993).

Нас же дневники Б.Ю. Поплавского интересуют не как пример сложного нарративного построения, а как документ, в котором отражены взгляды поэта на его творчество и современное ему искусство, т.к. дневники содержат саморефлексию автора по поводу его творческого метода, участия в литературных вечерах и т.д. В частности, нас интересует мнение Б.Ю. Поплавского о манере письма сюрреалистов и о важных для сюрреалистов понятиях.

В дневниках Б.Ю. Поплавский сформулировал свою задачу как художника: «Задача просто в том, чтобы как можно честнее, пассивнее и объективнее передать тот причудливо-особенный излом, в котором в данной жизни присутствует вечный свет жизни, любви, погибания, религиозности. Следует как бы быть лишь наблюдателем неожиданных аспектов и трогательно-комических вариаций, в которых в индивидуальной жизни присутствуют общие вечные вещи. <...> Следует не активно создавать индивидуализм и потом его описывать, а пассивно и объективно описывать уже имеющуюся на лицо собственную субъективность и горестно-комическую заостренность и выделенность (Поплавский 1996, с. 94)».

В дневниках поэт описывал свой творческий процесс: «Молчание белой бумаги. Белый лист наводит на меня какое-то оцепенение. Как студеное поле, перед которым кажется неважным все – цветы и звуки» (Поплавский 1996, с. 163). Он отмечал, что тщательно редактирует свои тексты, читает и переписывает по несколько раз (Поплавский 1996, с. 117).

Б.Ю. Поплавский ставит себе в пример В.В. Розанова и М. Пруста как авторов, добившихся, по его мнению, успеха в выражении своих идей именно благодаря преодолению диктата общепринятой формы. В дневниках, как и в критических статьях, поэт рассуждает о методе М. Пруста, стремится разгадать механизм создания прустовских произведений: «Интересно знать, писал ли М. Пруст от обилия или от скудости. Оттого, что ему не из чего было выбирать, что он писал – все.

Или это из-за ясного чувства масштаба и выбора того, об чем стоит, и того, об чем не стоит. Поиск чувства масштаба обозначен в позднем дневнике как первоочередная творческая задача автора: «Больше всего научиться ценить – это чувство масштаба. Зданевич погибает из-за отсутствия его. Что важно и что не важно делать и любить» (Поплавский 1996, с. 163).

Любопытно отметить, за что поэт критиковал свои произведения. Он стремился к предельной искренности, и «неряшливость» для него обозначала скорее не неправильность некоторых выражений, которую отмечали критики, а конечное несоответствие того, что выражено, тому, что поэт стремился выразить. Он критиковал себя за недостаточную творческую раскрепощенность и зависимость от мнения критиков и коллег по цеху:

«Неряшливость того, что я пишу, меня убивает, брезгливость духа, не устаивающего отчитываться, и отсюда графомания, ибо легче написать десять плохих сравнений, чем докопаться до одного хорошего (Поплавский 1996, с. 112)».

«Я пишу так скучно, так нравоучительно, монотонно, так словесно, не потому ли, что не смею писать непонятно, я не свободен от страха публики и даже от страха критики... (Поплавский 1996, с. 202)».

В статье о творчестве Дж. Джойса Б.Ю. Поплавский описал свое видение «автоматического письма»: «Способ написания «Улисса» Джойсом, этой огромной книги в почти девятьсот огромных страниц мелкой печати, описывающих всего один день некоего Леопольда Блюма, сборщика объявлений в Дублине, и его знакомых, есть так называемое «автоматическое письмо», впервые примененное Изидором Дюкасом – графом Лотреамоном (а много ранее, вероятно, составителями всевозможных Апокалипсисов), который в 70-х годах написал им, совершенно независимо от Рембо, гениальную книгу *Les Chants de Maldoror* (песни предрасветной боли?) и затем бесследно исчез в возрасте 26 лет. Этим способом искони пользовались медиумы и визионеры (в том числе столь замечательный Уильям Блейк), а в настоящее время широко пользуется школа Фрейда для своих изысканий и французские сюрреалисты. Он состоит как бы в возможно точной записи внутреннего монолога, или, вернее, всех чувств, всех ощущений и всех сопутствующих им мыслей, с возможно полным отказом от выбора и регулирования их, в чистой их алогичной сложности, в которой они проносятся. Так, подробное описание множества мелких событий долгого июльского дня 1904 [года] сплошь перемежается стенографической записью просящихся в сознание героев беспорядочных ассоциаций, что создает сугубую оригинальность письма и абсолютно нарушает фальшивую литературную стройность обычных разговоров в романах, ибо

даже у Пруста так часто внутренняя нераздельно-слитная ткань мысли заменена фальшивыми дедукциями и рассуждениями, так что... иногда кажется, что между Джойсом и Прустом такая же разница, как между болью от ожога и рассказом о ней. Все вместе создает совершенно ошеломляющий документ (Поплавский 1996, с. 273)».

Из данной цитаты следует, что сюрреалисты и Б.Ю. Поплавский понимали «автоматическое письмо» не идентично: Б.Ю. Поплавский не видел особой разницы между способами работы Дж. Джойса, М. Пруста и сюрреалистов, акцентировал свое внимание на эффекте искренности.

Дневники Б.Ю. Поплавского свидетельствуют о готовности поэта к творческой эволюции, начало которой нашло отражение в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» и романах «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес». Критические статьи Б.Ю. Поплавского, в которых он также рассуждает о литературном процессе, содержат ценные сведения о его теоретической осведомленности в области современной литературы, выражают публичную позицию автора. Дневники же содержат более личные рассуждения на тему творчества, позволяют больше узнать об источниках вдохновения поэта и его творческих планах, которые ему не суждено было реализовать.

Сюрреализм изначально позиционировался его создателями и идеологами как беспрецедентный культурный продукт, представляющий собой не только воплощение новаторских эстетических принципов в искусстве, но и новый способ мышления, современный образ жизни.

В книге «Бесцеремонная история сюрреализма» Р. Ванейгем рассматривает сюрреализм в том числе и как общественно-политическое движение, в основе которого лежит идеология свободы. Он отмечает, что в разное время сюрреалисты, пытаясь реализовать стремление к свободе, присоединялись к различным политическим движениям, восхваляли большевизм, троцкизм, геваризм, анархизм (Ванейгем 2014).

Л.Г. Андреев подчеркивал двойную природу этого течения: сюрреализм, с одной стороны, должен был сохранять свою «надреалистическую» сущность, а с другой стороны, выполнять общественно-политические задачи – двигать людей к осознанию необходимости революции. Идеологи сюрреализма пытались найти теоретические обоснования для выполнения этих сложно совместимых задач, обращаясь не только к различным политическим течениям, но и к «автоматизму» и оккультизму (Андреев 1972, с. 48).

В современном общественном сознании сюрреализм скорее ассоциируется с такими абстракциями, как сон и мечта, а не со сводом строгих определений и предписаний. Например, некоторые современные художники используют в своем

творчестве сюрреалистические техники для работы с бессознательным, хотя и далеки от политических идей, которые разделяли сюрреалисты (Giuliodori L., Boldyreva A., Bobunova 1993).

По мнению главного теоретика сюрреализма А. Бретона, течение начинается в 1919 году с публикации в журнале «Литература» «Магнитных полей» – совместного произведения А. Бретона и Ф. Супо, в котором впервые использовался автоматизм как метод письма (Андреев 1972, с. 18). Также в 1919 году тексты в технике автоматического письма создает Л. Арагон (Андреев 1972, с. 29).

Литературные произведения сюрреалистов были воплощением их теоретических установок в художественной форме. Так, в повести «Надя» А. Бретон воспекает необычный взгляд девушки Нади на реальность, восхищается ее свободой и творческим воображением, но в конце повести выясняется, что Надя была просто психически больной (Бретон). После попадания Нади в лечебницу главный герой повести отказывается от общения с ней, потому что думает, что попавшему в руки психиатров человеку уже ничего не поможет. Таким образом, в рамках художественного произведения А. Бретон пытается ответить на вопросы, где проходит граница между свободным воображением и безумием и несут ли сюрреалисты, воспевающие оба состояния, ответственность за ухудшение психического здоровья своей целевой аудитории.

В рамках сюрреалистической поэзии сюрреалисты также предпринимали попытки расширения рамок дозволенного: поэзия П. Элюара была наполнена откровенными эротическими образами (Элюар 1971), а в «Магнитных полях» А. Бретон и Ф. Супо отказались от привычной субъектной организации (например, в качестве лирического героя они использовали нечто неопределенное – пыль или бактерии) (Антология французского сюрреализма 1994).

Современники называли Б.Ю. Поплавского «единственным русским сюрреалистом» (Токарев 2011), подчеркивая таким образом влияние на поэта идей нового течения. Безусловно, религиозные и политические взгляды Б.Ю. Поплавского не совпадали со взглядами А. Бретона. Для сюрреалистов искусство являлось не целью, а средством совершения сюрреалистической революции, Б.Ю. Поплавский же признавал две сферы самыми важными в своей жизни – искусство и религиозный поиск.

Самое решительное расхождение Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов наблюдается именно в религиозном вопросе. Б.Ю. Поплавский признавался в своих дневниках, что никогда не сомневался в существовании Бога, а «сомневался только в его благодати» (Поплавский 1996, с. 173). Именно в Боге Б.Ю. Поплавский видел единственную опору (Поплавский 1996, с. 105).

Ради своего религиозного поиска поэт был готов даже отказаться от личной жизни и думал об отказе от литературной деятельности, когда она, по его наблюдениям, препятствовала его стремлению к святости: «Никто из них не знает, как тяжела святость. Это страшное безбытие – пустыня отказавшейся от всего жизни. Я, у которого столько сил для зла, так слаб, так мал, так, как бабочка, еле жив в добре» (Поплавский 1996, с. 106).

Действительно, взгляды Б.Ю. Поплавского ближе к взглядам русских символистов. Для творчества поэта в той или иной форме характерны все черты новой русской литературы (т.е. символизма), выделенные Д.С. Мережковским: изменение содержания, которое связано со стремлением уйти из этого мира в мир потусторонний, применение символов, расширение художественной впечатлительности (Львов-Рогачевский, 1925). А.А. Блок в своем докладе также отмечал стремление символистов к сближению искусства и жизни, превращению жизни в театральное представление (Блок 2013). Для Б.Ю. Поплавского смешение жизни и искусства было настолько характерно, что у некоторых современников складывалось впечатление, что поэт постоянно играет «роль».

Все творчество Б.Ю. Поплавского отличается особой эклектичностью: его поздняя поэзия отражает влияние на него как новаторских литературных течений и современных ему авторов (сюрреалисты, Дж. Джойс, М. Пруст), так и символистов, творчество которых поэт высоко ценил. Поэтический сборник Б.Ю. Поплавского «Автоматические стихи» представляет собой сложное эстетическое явление на стыке сюрреализма и символизма, что обусловлено особенностями формирования эстетического мировоззрения поэта.

В поэтическом сборнике «Автоматические стихи» прослеживается последовательный отказ Б.Ю. Поплавского как от развернутого лирического сюжета, так и от прописанного лирического героя.

В поэтическом сборнике «Флаги» содержалось множество стихотворений с развернутым лирическим сюжетом, а также Б.Ю. Поплавский использовал персонажей известных историй – шекспировских Гамлета и Офелию, Мореллу Э.А. По, бальзаковскую Серафиту и даже персонажей детективов – Мориарти А. Конан Дойла и популярного персонажа из десятипенсовых «романов с продолжением» Ника Картера – и дополнял эти истории собственными сюжетами в стихотворениях дебютного сборника.

Если в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» упоминается какой-либо персонаж, то чаще всего он отождествляется с единственной функцией. Персонаж может отождествляться с его профессией, работоспособностью или даже рабочим графиком («В черном море пели водолазы» (Поплавский 1931, с. 62), «Больные вставали с по-

стели / Вечерняя смена на низких бульварах / Ела мороженое» (Поплавский 1931, с. 164)).

Уместно вспомнить отрывок из «Нади» А. Бретона, в котором главный герой рассуждает о том, что работа препятствует творческому образу жизни: «И пусть мне после этого не говорят о работе, то есть о моральной ценности работы. Я вынужден принять идею работы как материальной необходимости, в этом отношении я всецело за ее лучшее, наиболее правильное распределение. Пусть мрачные обязательства жизни навязывают мне ее – это так, но заставить меня верить в нее, уважать мою работу или чью-нибудь еще – никогда (Бретон 2010)».

В отличие от А. Бретона, Б.Ю. Поплавский не осуждает идею работы, он скорее рисует картину городской отчужденности. Поэт констатирует, что незнакомые люди интересны друг другу лишь в функциональном плане. Также Б.Ю. Поплавский использует фрагментарное описание внешности персонажей («худые и старые люди в цилиндрах» (Поплавский 1999, с. 38), «страшные черные лица детей» (Поплавский 1999, с. 46), акцентируя внимание на невозможности проникнуть в глубь душевной жизни этих людей и нагнетая ощущение отчуждения.

Персонажи иногда описаны как каменные или железные, что, с одной стороны, подчеркивает их неподвижность и/или безэмоциональность, а с другой – сближает их со статуями («Каменная девушка на воздушном шаре / Поднимается в небо не переставая улыбаться» (Поплавский 1999, с. 58), «Бледнолицые книги склонялись к железным рукам» (Поплавский 1999, с. 90)). Статуи же, напротив, описываются двойственно – они показаны со сторон, характерных и для статуй, и для людей («В беседе состарилась статуя» (Поплавский 1999, с. 71), «Статуя читает книгу» (Поплавский 1999, с. 141)). Иногда личность персонажа совершенно не важна, описывается только его действие, которое отражает состояние мира:

И кто-то говорил во сне
Странно приподымая руку
О самом страшном –
О измене (Поплавский 1999, с. 40).

Однако упоминание некоторых персонажей в нехарактерных для них ситуациях создает эффект дереализации. Так, например, в тридцатом стихотворении сборника упоминаются короли, которые едут в трамвае («Далеко внизу трамвай шли / В них читали книги короли» (Поплавский 1931, с. 62)). Картина эта, с одной стороны, напоминает о пронизанной мистицизмом поэме А.А. Блока «Ночная фиалка» (Блок 1988, с. 128), герой которой не замечет, как погружается в сон – картина пригорода постепенно сменяется картиной заседания сказочных королей. С другой стороны, многие окружающие Б.Ю. Поплавского люди,

как и он сам, потеряли свой социальный статус и материальное состояние и были вынуждены вести в эмиграции крайне бедный образ жизни – допустимо прямое толкование этой сцены, лишенное мистицизма. Возможность двойного толкования – обыденного и мистического – пронизывает весь сборник «Автоматические стихи».

Однако особое место в ряду «однофункциональных» персонажей Б.Ю. Поплавского занимают бродяги и отшельники, посвящающие себя поискам Бога. Во втором стихотворении сборника бродяга, который «разгадал / Крестословицу о славе креста» (Поплавский 1999, с. 34), достигает свободы, а в сорок четвертом стихотворении отшельник, проникший в суть мистических книг, перемещается в иной мир:

Только бедный отшельник ослеп
Он покинул свой черный склеп
Он живет на звезде зари
Безутешно плачет о нас
Потому что там высоко
И до земли далеко
И нигде нельзя встретить тех
Кого убивает смех (Поплавский 1999, с. 76).

На смену «мы-возлюбленным» («Превращение в камень», «В борьбе со снегом») и «мы-друзьям» («Армейские стансы», «Дождь»), часто встречавшимся на страницах «Флагов», в «Автоматических стихах» приходит «коллективное мы», в котором невозможно разглядеть конкретных личностей. Эти люди чаще всего не заняты ничем особенным («Мы пили яркие лимонады и над нами флаги кричали» (Поплавский 1999, с. 37)), но для них возможен и коллективный духовный путь («Мы идем с Евангелием в кармане / Мы идем вперед» (Поплавский 1999, с. 126)).

Ряд стихотворений в «Автоматических стихах», характеризующихся повелительной интонацией, – это стихотворения-инструкции для лирического героя «как правильно жить в мире», созданным Б.Ю. Поплавским. Лирический герой в них призывается к приближению к иному миру, к спокойствию, к молитвам и принятию неизбежности гибели. Он будто должен приблизиться к состоянию объекта в мире людей, чтобы стать субъектом в ином мире:

Вечный воздух ночной говорит о тебе
Будь спокоен как ночь, будь покорен судьбе
В совершенном согласье с полетом камней
С золотым погасаньем дней
Будь спокоен в своей мольбе (Поплавский 1999, с. 68).

Иногда реальность существования лирического героя в материальном мире вовсе отрицается:

Тише, мой друг.
Сны распадутся
Но ведь и Ты сон (Поплавский 1999, с. 167).
Молитва и смерть представляются как возмож-

ные пути достижения иного мира, а поиск свидетельств существования иных миров в обыденной жизни (так можно трактовать сбор «лоскутьев и обрезков» в контексте метафоры «нити») представлен как ложный путь. Однако сбор «лоскутьев и обрезков», сопровождаемый плачем, может быть истолкован и как свидетельство крайней бедности собирающего их персонажа. Именно за счет двойственности образов поэт на страницах «Автоматических стихов» создает атмосферу сна и мистицизма.

Достигший просветления лирический герой представлен как пограничный персонаж, способный прислушиваться к жизни объектов окружающего его мира:

Я живу на границе твоей
О душа, о море победы
Меж тобою и мною ночь – высоко до рассвета
Далеко до лучезарного дня
Я живу на границе твоей
Камень тихо со мной говорит (Поплавский 1999, с. 69).

Одним из часто встречающихся в сборнике персонажей является Христос, представленный Б.Ю. Поплавским на средневековый лад, – он крайне беден. Христос уже среди людей, но благодаря своей бедности он не отличим от бедняков («Христос в ботинках едет в трамвае»).

Появление мотива прощания со временем («Время стекает к садам антарктических птиц / Время, прощай» (Поплавский 1999, с. 86)) в тех стихотворениях, где говорится о Христе, и упоминание золотой трубы («Лежит золотая труба / Христос сидит на стуле / Он спит / С золотой трубой в руках / Христос проснется» (Поплавский 1999, с. 125)) свидетельствуют о приближении Апокалипсиса.

Благодаря отказу от детализации лирического сюжета и лирического героя, а также за счет двойственности описываемых сцен и явлений, Б.Ю. Поплавский в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» достигает эффекта дереализации, к которому стремились поэты-сюрреалисты, но христианское содержание образов выдает в Б.Ю. Поплавском преемника русских символистов.

Выводы

Творчество Б.Ю. Поплавского эклектично. На формирование этой эклектичности оказал влияние культурный опыт поэта: находясь в Париже, он перенимал установку на «консервацию сокровищ русской культуры» от эмигрантов старшего поколения и стремление к экзистенциальному поиску от эмигрантов младшего поколения, а также интересовался новейшими течениями западного искусства. Такие личностные качества Б.Ю. Поплавского, как стремление к постоянному духовному поиску и переменчивость взглядов, также нашли свое отражение в творчестве поэта.

Возможно ли однозначно отнести Б.Ю. Поплавского к представителям сюрреализма? С сюрреалистами Б.Ю. Поплавского сближало стремление передать в литературе внутренний мир человеческой души и подлинно изобразить состояние сна, но религиозность Б.Ю. Поплавского и особенности его понимания целей литературы не позволяют отождествлять его с представителями сюрреалистического движения. Однако особое внимание к описанию состояния сна сближает Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов и позволяет поэту альтернативным путем приблизиться в своем творчестве к тем же эстетическим установкам, которые проповедовали французские сюрреалисты.

Б.Ю. Поплавский пришел к тому, что он сам понимал как метод «автоматического письма», в отличие от сюрреалистов, не через дадаистское отрицание смысла, а через символистский поиск смысла, скрытого за обыденным и раскрывающегося при умении расшифровывать символы.

Источники фактического материала

Блок А.А. Избранные сочинения. Москва: Худож. лит., 1988. 687 с., ил.

Поплавский Б.Ю. Флаги: стихи. Париж: Числа, 1931. 92 с.

Библиографический список

Андреев Л.Г. Сюрреализм. Москва: Высшая школа, 1972.

Антология французского сюрреализма, 20-е гг. / сост. С.А. Исаева и др. Москва: ГИТИС, 1994. 390 с.

Бердяев Н. По поводу «Дневников» Б. Поплавского. Опубликовано. Воспроизводится по изданию 1993 г. Человек. 1993. №3. С. 172–175 // krotov.info. 1997. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1939popl.html (дата обращения: 01.06.2023).

Блок А.А. О современном состоянии русского символизма. culture.ru: гуманитарный просветительский проект, посвященный культуре России. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/books/621/o-sovremennom-sostoyanii-russkogo-simvolizma> (дата обращения: 01.06.2023).

Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / сост. Л. Аллен, О. Гриз. Санкт-Петербург: «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. 184 с.

Бретон А. Надя // royallib.com: электронная библиотека. 2010–2023. URL: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest_syurrealizma.html (дата обращения: 01.06.2023).

Ванейгем Р. Бесцеремонная история сюрреализма. Москва: Гилея, 2014. 185 с.

Львов-Рогачевский В. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. /

под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. Москва; Ленинград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 579 с.

Ливак Л. Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского // cyberleninka.ru: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2012–2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2002-03-032-tablivak-l-surrealisticheskiy-kompromiss-borisa-poplavskogo-livak-l-the-surrealist-compromise-of-boris-poplavsky-russ-rev> (дата обращения: 01.06.2023).

Менегальдо Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 268 с.

Поплавский Б.Ю. Автоматические стихи. Москва: Согласие, 1999. 228 с.

Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. Москва: Христианское издательство, 1996. 512 с.

Токарев Д. «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. Москва: 2011. 352 с.

Шевченко Е.С., Герченкова Д.В. Семиотика художественного языка В. Набокова в свете теории символизации Н. Гудмена // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 40–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47>.

Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века // www.rulit.me 2011–2023. URL: <https://www.rulit.me/books/puti-i-lica-o-russkoj-literature-xx-veka-read-218188-1.html> (дата обращения: 01.06.2023).

Элюар П. Стихи / пер. с франц. Москва: «Наука», 1971. 422 с.

Энциклопедический словарь сюрреализма / сост., отв. ред.: Т.В. Балашова, Е.Д. Гальцова, Москва: ИМЛИ РАН, 2007. 584 с.

Giuliodori, L., Boldyreva, A., Bobunova, A., Boranenkova, V., Notina, E. The article surrealism between psychological investigation and artistic commitment // cyberleninka.ru: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2012–2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrealism-between-psychological-investigation-and-artistic-commitment> (дата обращения: 01.06.2023).

References

Andreev, L.G. (1972), *Surrealism*, Higher School, Moscow, USSR.

Anthology of French surrealism, the 20s., (1994), comp. S.A. Isaeva et al., GITIS, Moscow, Russia.

Berdyaev, N. (1993), *About the "Diaries" of B. Poplavsky*, Published. Reproduced from the 1993 edition of *The Man*, no. 3, pp. 172–175, krotov.info, 1997, [Online], available at: <http://krotov.info/>

library/02_b/berdyaev/1939popl.html (Accessed 06 Jan 2023).

Blok, A.A. (2013–2023), *On the modern state of Russian symbolism*, A humanitarian educational project dedicated to the culture of Russia, [Online], available at: <https://www.culture.ru/books/621/o-sovremennom-sostoyanii-russkogo-simvolizma> (Accessed 06 Jan 2023).

Boris Poplavsky in the assessments and memoirs of contemporaries (1993), comp. L. Allen, O. Griz, Logos, St. Petersburg, Russia, The Blue Horseman, Dusseldorf, Germany.

Breton, A. (2010–2023), *Nagy*, [Online], available at: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest-syurrealizma.html (Accessed 06 Jan 2023).

Vaneigem, R. (2014), *The uncereemonious history of surrealism*, Gileia, Moscow, Russia.

Lviv-Rogachevsky, V. (1925), *Literary Encyclopedia: Dictionary of literary terms: In 2 volumes*, (N. Brodsky, A. Lavretsky, E. Lunin, V. Lvov-Rogachevsky, M. Rozanov, V. Cheshikhin-Vetrinsky eds.), Publishing house L.D. Frenkel, Moscow, Leningrad.

Livak, L. (2012–2023), *The surreal compromise of Boris Poplavsky*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2002-03-032-tablivak-l-syurrealisticheskiy-kompromiss-borisa-poplavskogo-livak-l-the-surrealist-compromise-of-boris-poplavsky-russ-rev> (Accessed 06 Jan 2023).

Menegaldo, E. (2007), *The Poetic Universe of Boris Poplavsky*, Aletya, St. Petersburg, Russia.

Poplavsky, B.Y. (1999), *Automatic poems*, Consent, Moscow, Russia.

Poplavsky, B.Y. (1996), *Unpublished: Diaries, articles, poems, letters*, comp. and comments by A.

Bogoslovsky, E. Menegaldo, Christian Publishing House, Moscow, Russia.

Tokarev, D. (2011), *"Between India and Hegel": The work of Boris Poplavsky in a comparative perspective*, Moscow, Russia.

Shevchenko, E. and Gerchenova, D. (2023), Semiotics of V. Nabokov's artistic language in the light of N. Goodman's theory of symbolization, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 40–47, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47>.

Chagin, A.I. (2011–2023), *Ways and faces. About Russian literature of the XX century*, [Online], available at: <https://www.rulit.me/books/puti-i-lica-orusskoj-literature-xx-veka-read-218188-1.html> (Accessed 06 Jan 2023).

Eluard, P. (1971), *Poems*, Translated from French, Science, Moscow, Russia.

Encyclopedic dictionary of surrealism, comp. (2007), ed. Balashova, T.V., Galtsova, E.D., IMLI RAS, Moscow, Russia.

Giuliodori, L., Boldyreva, A., Bobunova, A., Boranenkova, V., Notina, E. (2012–2023), *The article surrealism between psychological investigation and artistic commitment*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrealism-between-psychological-investigation-and-artistic-commitment> (Accessed 06 Jan 2023).

Submitted: 12.12.2024

Revised: 02.02.2025

Accepted: 01.03.2025